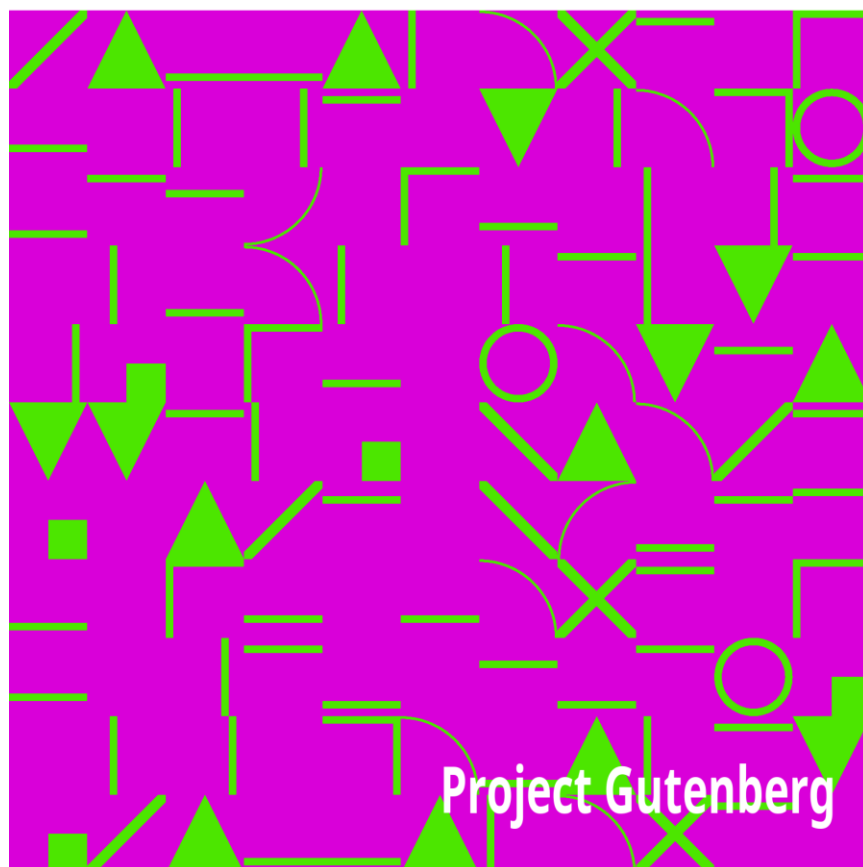

Рассказ о кораблекрушении брига "Бетси" из Вискассета, штат Мэн, и убийстве пяти членов его команды пиратами на побережье Кубы, декабрь 1824 г.

Дэниел Коллинз

Narrative of the shipwreck of the brig
Betsey, of Wiscasset, Maine, and murder of
five of her crew, by pirates,

Daniel Collins

The Project Gutenberg eBook of Narrative of the shipwreck of the brig Betsey, of Wiscasset, Maine, and murder of five of her crew, by pirates,

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рассказ о кораблекрушении брига "Бетси" из Вискассета, штат Мэн, и убийстве пиратами пяти членов его команды,

Автор: Дэниел Коллинз

Дата выхода: 8 апреля 2008 [eBook #25022]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Клайном Сент-Чарльскиндтом и командой Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK NARRATIVE OF THE SHIPWRECK OF THE BRIG BETSEY, OF WISCASSET, MAINE, AND MURDER OF FIVE OF HER CREW, BY PIRATES, ***

ПОВЕСТВОВАНИЕ О КОРАБЛЕКРУШЕНИИ БРИГА "БЕТСИ" ИЗ ВИСКАССЕТА (ШТАТ МЭН) И УБИЙСТВЕ ПЯТИ ЧЛЕНОВ ЕГО КОМАНДЫ ПИРАТАМИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КУБЫ, ДЕК. 1824.

"-quæque ipse miserrima vidi,
Et quorum pars magna fui."

ДЭНИЕЛ КОЛЛИНЗ,
ОДНОГО ИЗ ДВУХ ВЫЖИВШИХ.

ВИСКАСЕТ: НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ ДОРРОМ.
1825.

Дистрикт Мейн, сс.

L. S.

НАПОМИНАЕМ, что в этот двадцать шестой день апреля, в год Господа нашего тысяча восемьсот двадцать пятый и сорок девятый год независимости Соединенных Штатов Америки, мистер Джон Дорр, из округа Мэн, сдал на хранение в эту канцелярию название книги, на право владения которой он претендует как собственник, в следующих словах, а именно:

"Повествование о кораблекрушении брига "Бетси" из Вискассета и убийстве пяти членов его команды пиратами на побережье Кубы в декабре 1824 года. Дэниел Коллинз, один из двух оставшихся в живых.

"-quæque ipse miserrima vidi,
Et quorum pars magna fui."

Wiscasset: Printed by John Dorr. 1825."

В соответствии с Актом Конгресса Соединенных Штатов Америки, озаглавленным "Акт о поощрении обучения путем предоставления копий карт, схем и книг авторам и владельцам таких копий в указанные в нем сроки;", а также к акту, озаглавленному "Акт, дополняющий акт, озаглавленный "Акт о поощрении обучения путем обеспечения копий карт, схем и книг авторам и владельцам таких копий в течение упомянутого времени и распространения его преимуществ на искусство проектирования, гравирования и офорта исторических и других гравюр."

J. МУССЕЙ, секретарь окружного суда штата Мэн.

Подлинная копия с протокола,

J. Муссей, клерк окружного суда штата Мэн.

ИСТОРИЯ.

28 ноября 1824 года я отплыл из Вискассета (штат Мэн) в Матанзас на острове Куба на бриге "Бетси", грузенном пиломатериалами; наши офицеры и команда состояли из семи человек, а именно: Эллис Хилтон из Вискассета, капитан; Джошуа Мерри из Эджкомба, первый помощник; Дэниел Коллинз из Вискассета, второй помощник; Чарльз Мануэль (португалец), Сет Рассел и

Бендж. Бридж, матросы; и Детри Джоум, повар. 18 декабря мы прошли мимо островов Берри и рано утром следующего дня бросили якорь в лиге от Орандж-Ки, на Багамской отмели. Это было утро субботы, такое спокойное и ясное, что даже удлинившиеся волны Гольфстрима казались спящими вокруг нас, и самый необученный сын Нептуна не мог не помнить, что это святой день, посвященный преданности и отдыху. Здесь мы пробыли до полудня, когда свежий бриз с севера пригласил нас сняться с якоря и развернуть паруса, которые, раздуваемые попутным ветром, были столь же бодры, как и наше собственное настроение, в связи с растущей перспективой достижения порта назначения.

Днем и ночью мы держали курс на запад-юго-запад. В 4 часа следующего утра, по приказу капитана Хилтона, который проболел почти весь переход и теперь не мог появляться на палубе в течение ночи, мы отдалили ее на один пункт, держа курс S. W. by W., рассчитывая на восточное течение в три узла, что, как он полагал, позволит нам пройти от ключа "Двойная голова".

Около заката, когда наступила темная и штормовая ночь, я предложил нашему капитану умерить парус, на что он не согласился, полагая, что мы сможем войти в Матанзас на следующий день. Ночь была настолько темной, что мы не могли отчетливо различить предметы за пределами длины судна, а ветер дул сильнее обычного оптового бриза, который гнал судно, тяжело нагруженное, со скоростью 9 узлов, рассчитывая, что мы находимся более чем в 6 лигах к наветренной стороне от ключа "Двойной выстрел". В половине второго часа я сменил рулевого и, бросив взгляд на подветренную сторону и не обнаружив никаких изменений в облике воды, сказал своему товарищу у руля: "Тебя можно не опасаться", - спустился вниз и лег в свою одежду. В это время внизу никого не было, кроме капитана, который стоял у подножия компаньонки и наблюдал за погодой.

Я пробыл в родовой около получаса, когда почувствовал сильный толчок, от которого меня накрыло мушкетами, стоявшими над головой, ящиками, бочками и другими предметами, находившимися в каюте; вода хлынула в родовую через четверть. Я с усилием поднялся на ноги, побежал в сторону компаньонки - она исчезла, повернулся, проскочил сквозь небесный свет и в мгновение ока оказался на палубе. Мы находились во впадине моря, и я мог различить над нашей главной вершиной темную вершину скалы, о которую мы ударились форштевнем, и шли тогда со скоростью девять узлов. Эта скала, которую некоторые члены нашей команды приняли за обломок, была скрыта от рулевого гротом. Двое из команды находились у помп - палубный груз, состоявший из досок, шканцев и весел, был навален с каждой стороны до уровня их голов, а двое других, вероятно, были на квартердеке. Это была небрежная вахта для темной ночи, даже на нашем предполагаемом расстоянии от Ключей; но теперь мы не могли жаловаться. Часть нашей кормы и ял у швартовов ушли вместе. Я побежал вперед, чтобы снять якоря, чтобы не дать ей налететь на другую скалу, которую я мог различить среди прибоя; но большая часть носа исчезла, а вместе с ней и якоря - вода уже захлестывала палубу - она в последний раз поднялась на гребень другого моря почти до вершины скалы, трепеща, как птица под смертельной раной. Наш капитан и команда столпились вокруг баркаса, пытаясь перерезать поводья и выправить его, а я взял компас, топор, ведро и несколько весел. Когда мы спустились в следующее море, она ударилась о скалу; мачты и лонжероны, со всеми парусами, с грохотом ударились о скалу, а пиломатериалы из-под палубы трещали и ломались во всех направлениях. Нас всех выкинуло за борт на приставших друг к другу пиломатериалах, мы уцепились за баркас, как за последнее убежище моряка, и попытались выправить его, что и сделали через несколько мгновений, но не без несчастья - проломили доску в днище. Мы все бросились

внутри, не имея при себе ничего, кроме морской одежды, нескольких предметов, о которых мы уже говорили, и нескольких обрывков лодочных поводков. Капитанская собака, которая за несколько минут до этого перепрыгивала с доски на доску вслед за кошкой с такой же решительной враждебностью, как если бы погоня шла по фермерскому двору, последовала за нами; компаньон отнюдь не был нежеланным для тех, кто, оставшись без провизии и воды, был вынужден полагаться на это верное животное в деле сохранения своей жизни.

Теперь возникла новая трудность: Наша лодка протекала так быстро, что три руки, две со шляпами и одна с ведром, не могли освободить ее; но с помощью единственного ножа, который мы сохранили, и обрывков поводков я заделал некоторые швы, что помогло освободить ее, но не настолько эффективно, чтобы освободить одну руку от черпания.

Примерно в лиге от скалы мы налегали на весла, наблюдая за морем, вздымавшимся на горы, до самого рассвета, когда мы подтянулись к нему, но не смогли обнаружить ни пресной воды, ни частицы провизии, кроме нескольких кусков плавающего хлеба, которые мы не осмелились есть. То тут, то там плавали обломки досок и лонжеронов, но единственным предметом удобства или комфорта, который мы смогли сохранить, было большое одеяло, которое мы превратили в парус и поставили; и, вынужденные силой моря, мы отчалили до ветра, взяв курс на юг и половину востока - курс, который должен был унести нас далеко на восток от намеченного пути, если бы не сильное западное течение в канале Святого Николая.

Скала, у которой мы потерпели крушение и от которой мы отчалили на лодке, оказалась одной из северо-восточной гряды ключей "Двойная голова".

Весь тот день мы шли вышеуказанным курсом, ни на минуту не прекращая грести, и приближались, как тогда предполагали, к острову Куба, побережье которого, за исключением входа в Матанзас и Гавану, было нам неизвестно. Однако мы знали, что все побережье усеяно опасными отмелями и ключами, хотя совершенно не знали, как они расположены к востоку от Пойнт-Иакос. Сотни раз в течение дня наши глаза обращались к каждой точке компаса в поисках паруса, но тщетно - мы находились слишком далеко к востоку от обычного пути в Матансас.

По мере приближения ночи опасность нашего положения возрастала. Все мы были утомлены, некоторые из нас сильно ушиблись из-за бедствий предыдущей ночи; и наши дневные труды, как можно предположить, были не слишком облегчены непрерывной греблей и отчаливанием, без единой крупницы пищи, чтобы утолить голод, и без капли пресной воды, чтобы охладить наши пересохшие языки. Тревога была видна на каждом лице, и наше настроение омрачалось, как небо над головой. Капитан Хилтон, чье недомогание и слабость усугублялись усталостью и голодом, уже не мог подавить борющиеся внутри чувства: дрожащие губы, тусклые глаза, бледные щеки - все говорило о том, что последний луч надежды, поддерживавший его в течение дня, теперь угасает перед наступлением ночи. Я видел гораздо больше суровой службы и непогоды, чем кто-либо на борту, и, обладая прекрасным телосложением, считал своим долгом ободрить остальных, представляя наше приближение к острову как уверенное и безопасное; это, казалось, стимулировало усиленную работу на веслах, и при сохраняющемся попутном ветре мы хорошо продвигались вперед. Около полуночи весло капитана Хилтона коснулось чего-то, что он принял за дно, но лопасть весла показала, что это акула, которая преследовала нас следующим утром. Полагая, что мы находимся на опасной отмели, он дал волю своим чувствам, заметив, что если бы даже нам удалось избежать этих опасных отмелей,

расстояние до острова было бы столь велико, что мы никогда не смогли бы выдержать голод, жажду и усталость от гребли, чтобы достичь его. Я попытался убедить его, что мы должны добраться до суши еще ночью, в том направлении, в котором мы плыли. Удрученная команда вскоре заразилась смертельным отчаянием, которое капитан неосмотрительно распространил среди них. Напрасно я убеждал его в необходимости продолжать наши усилия на веслах - он разрыдался, опустил на колени дно лодки и стал молить о Божественной защите. Правда, наша надежда на жизнь была хрупкой. В открытой лодке, которая из-за течи и буйства моря едва держалась на воде, без еды, питья и одежды, достаточной для защиты от холода и дождя декабрьского севера, в условиях неравномерного и быстрого течения, не позволявшего правильно рассчитать курс, на неизвестном и опасном побережье, без карты, которая могла бы нас направить.

В состоянии, граничащем с безумием, которое иногда вызывают голод, жажда и отчаяние вместе взятые, мы провели самую опасную ночь. С первыми лучами рассвета все глаза снова были устремлены на парус. Впереди, на расстоянии около 5 лиг, виднелось маленькое темное пятнышко на океане! Радостный звук земли пронесся по нашим нервам, как электрический разряд, и вдохнул новую жизнь в весла. Ветер был попутным, а помощь паруса, равная двум дополнительным веслам, дала нам такой ход, что, когда лучи восходящего солнца заиграли над вершинами волн и упали на маленькое пятнышко суши впереди, мы обнаружили, что приближаемся к одному из Кубинских ключей.

Земля, которую мы впервые обнаружили, представляла собой небольшой остров площадью около трех акров, возвышавшийся над окружающим его ключом так же высоко, как верхушки мангровых зарослей. Название этого ключа - самого большого из своей группы [A] - было настолько священным, что можно было предположить, что он был убежищем от бурь преследования не меньше, чем окружающие его стихии.

[A] Существует около 700 Багамских ключей, расположенных группами или скоплениями, большая часть из которых заросла на два-три фута и покрыта мангровыми кустами высотой от 10 до 15 футов, корни которых очень многочисленны и возвышаются над водой. Самые крупные из этих групп, как правило, содержат небольшой участок сухой земли и отличаются соответствующими названиями.

Круз-дель-Падре, или *Крест Отца нашего*, расположенный на западе долготы. $80^{\circ} 5'$ и северной широты $23^{\circ} 11'$ - примерно в 27 лигах к востоку и северу от Матансаса. Это длинный, узкий ключ, о размерах которого мы не могли точно судить - вокруг его северной стороны, примерно в лиге от берега, находился полукруглый риф, о который море разбивалось, насколько хватало глаз. В шторм это была огромная батарея, и если бы я приближался к ней на американской эскадре, то боялся бы ее яруса больше, чем всех домиков Морро. Но голод и жажда - сильные противоядия от страха. Поэтому мы смело подошли к нему, уповая на божественное вмешательство, которое недавно было столь знаменательно по отношению к нам. Взяв в руки самую глубокую воду и морскую волну, мы поспешили на вершину волнореза, который раскачал нашу баркасную лодку, как осиновый лист, и почти залил ее водой; но через мгновение она уже плыла по красивой бухте, которая представляла взору "гладкую поверхность летнего моря".

Северная граница этой бухты была образована рифом, образующим внутреннюю часть полумесяца, а южная - двумя длинными линиями мангровых зарослей с каждой стороны и

небольшим пляжем из красивой белой глины, который образовывал переднюю часть маленького острова в центре. Расстояние между ними составляло около трех миль, две из которых мы уже прошли, направляясь прямо к пляжу, в нескольких шагах от которого, как мы уже выяснили, находились две хижины, населенные рыбаками, которых мы теперь могли видеть входящими и выходящими. Когда мы находились на указанном выше расстоянии от рифа, наше внимание внезапно привлекло появление двух обломков судов, слишком больших, как можно было предположить, чтобы одолеть риф. По мере того как вода становилась все более мелкой, я разглядел ровное глинистое дно, на которое наша лодка села в ста ярдах от берега. Один из жителей сошел на бревенчатое каноэ с плоским дном, длиной около 25 футов и шириной 2-1/2, окликнул нас по-испански, требуя сказать, кто мы такие, и получил ответ от португальца Мануэля.

Когда этот испанец, который был главным рыбаком, подошел к нам, капитан Хилтон узнал в нем того самого, у которого он купил немного сахара во время предыдущего плавания в Матанзасе.

Две хижины, которые мы называли, были сложены из досок и досок затонувших кораблей, высотой около 7 футов и размером 10 на 15 от земли, с соломенными крышами. В северо-восточном углу стояла группа старых, побитых непогодой деревьев, единственных на острове выше мангровых деревьев, на которых рыбаки развешивали свои сети. Перед пляжем находился *черепаший троллейбус* площадью около 15 футов, окруженный рамой, на которой было подвешено множество деревянных крючков, на которые вешали рыбу и частично сохраняли ее, высушивая на морском бризе. Было около 8 часов утра, когда нас провели в одну из хижин, и, поскольку мы не ели и не пили почти два дня и ночи, нам сразу же принесли угощение, состоящее из черепахи и другой рыбы, горячий кофе и т. д.

После трапезы на земле было расстелено несколько парусов, на которых нам предложили отдохнуть. Мои товарищи с готовностью приняли приглашение; но я слишком много видел испанской неверности, прикрывающейся гостеприимством, чтобы отказаться от якорной вахты даже в нашей нынешней уютной гавани.

Рыбаков было пятеро, все крепкие, хорошо сложенные испанцы, хозяин которых был выше шести футов и походил на американского индейца. Мои спутники вскоре погрузились в "мертвый сон", и когда рыбаки покинули хижину, я вышел, чтобы осмотреть наше новое жилище. Две хижины находились так близко, что их разделял только водосток, который собирал воду с крыш каждой из них и отводил ее в зарытый в песок бочонок, из которого на случай засухи наполнялись другие бочки; полученная таким образом пресная вода была всем, чем располагал остров. К западу от берега находилась небольшая бухта, в центре которой располагался остров около мили в окружности. В верховьях этого залива в мангровых зарослях в нескольких шагах протекал ручей, служивший гаванью для небольшого рыболовецкого судна весом около двенадцати тонн с палубой, на котором они перевозили рыбу в Матанзас и другие места острова Куба. К востоку от берега находилась бухта, которая на четверть мили уходила в кусты, образуя в своем верховье нечто вроде бассейна, который был тихим, как мельничный пруд. Эта бухта была окружена густыми мангровыми зарослями и полностью скрыта от посторонних глаз выступом у ее входа. Более одинокого места я никогда не видел. Около его границ можно было увидеть "одинокого гостя", *фламинго* [B], расхаживающего во всей гордости своего пунцового оперения, такого же высокого и почти такого же высокого, как британский солдат. Дно этой бухты было похоже на дно залива.

[B] Говорят, фламинго строит свое гнездо на Багамских ключах. Это великолепная птица, покрытая на третий год ярко-малиновыми перьями, за исключением кончиков крыльев, которые у нее черные. Эта внешность, дополненная ее прямой позой, при которой ее голова почти так же высока, как у человека, дала ей среди туземцев название "британский солдат".

Мангровые деревья очень густые, их стволы покрыты устричными раковинами, которые прилипают к ним, как ракушки к днищу судна, и досаждают тем, кто пытается пройти среди них, разрывая одежду и рана плоть до самых бедер.

Среди кустов были спрятаны две клинкерные лодки, замечательно сконструированные для гребли, с днищами, смазанными жиром или мылом; в одной из них я нашел платок, наполненный лаймами: Я взял одну из них и принес в дом; это вызвало недовольство рыбаков, которые потом сказали Мануэлю, что лодки и лаймы принадлежат каким-то людям на небольшом расстоянии, которые вернутся через несколько дней. Перед хижинами также были пришвартованы два яла, которые, судя по всему, принадлежали американским судам.

Когда я вернулся в хижину, мои товарищи еще спали, и мы не будили их, пока не приготовили ужин, который во многом повторял наш завтрак, только с добавлением подорожника. После ужина мы уселись за стол, придумывая, как добраться до Матанзаса. Через Мануэля капитан Хилтон предложил мастеру-рыбаку нашу баркасную лодку и сорок долларов наличными по прибытии в Матанзас, что было принято, и мы должны были отплыть на их маленькой шхуне, как только позволит погода. Около восьми или девяти часов мы все легли спать, но мои подозрения не позволили мне уснуть; когда все затихло, я услышал, как испанцы разговаривают друг с другом на низком тоне, и я обратился к Мануэлю в надежде, что он поймет предмет их разговора; но он, как и его товарищи, слишком крепко спал, чтобы его можно было легко разбудить. Лампа с рыбьим жиром тускло горела уже два или три часа, когда хозяин рыбака встал и погасил ее. В это время старая собака, принадлежащая рыбакам, начала издавать жуткий вой, на который периодически откликалась наша собака. Предположив, что приближается какая-то лодка, я вышел, но не смог обнаружить ни одного живого существа в движении. Ночь была светлая, дул свежий ветер с несколькими летучими мошками. Вернувшись в хижину, я улегся между двумя бочками с хлебом, к одной из которых прислонил голову, готовый заранее предупредить о любой пакости, которая может нас постигнуть; но ночь прошла без каких-либо происшествий, прервавших дремоту моих усталых товарищей.

Рано утром они вышли, и мы спустились в описанную выше бухту, чтобы искупаться. Когда мы одевались на берегу в верховьях бухты, то обнаружили на уровне уровня воды несколько человеческих скелетов - (кроме черепов) - отбеленных и частично истлевших. Кости пальцев, кистей и ребер были целыми. Для меня это было не очень приятным открытием, и я заметил мистеру Мерри, что "нас всех могли бы убить в таком месте без возможности узнать об этом"; но в то время предполагалось, что кости принадлежали морякам, которые могли потерпеть кораблекрушение на рифе вблизи этой части ключа.

По возвращении в хижину нас ждал завтрак. Этот день мы провели, бродя по острову, и, как правило, за нами следовали два рыбака, которые проявляли большую, чем обычно, бдительность. Как в этот, так и в предыдущий день они приостановили свое обычное занятие и коротали время, слоняясь без дела. В силу ряда обстоятельств мои подозрения усилились настолько, что я настоятельно советовал капитану Хилтону отплыть на нашей собственной

лодке, так как она была плоха; но он выразил большое доверие главному рыбаку, поскольку был знаком с ним ранее в Матанзасе.

Поскольку мы договорились отплыть на следующее утро, все готовились лечь спать в ранний час, когда главный рыбак заметил, что в доме слишком жарко для сна, накинул на плечи одеяло и вышел.

Немного странно, что такое обстоятельство не произвело на моих товарищей того же эффекта, что и на меня, поскольку в хижине было некомфортно прохладно. Но справедливости ради я должен добавить, что необычный сон, приснившийся мне ночью перед кораблекрушением, породил в моем сознании некое матросское суеверие, которое изгнало сон из моих глаз, даже сейчас, когда они наслаждались его освежающим воздействием.

После того как я несколько раз прошелся по комнате, один из рыбаков встал и погасил свет, а когда все стихло, я подошел к двери, запертой за мастером-рыбаком, задвинул засов, никого не потревожив, и вышел. На пороге двери я нашел топор, который взял в руку, несколько раз обошел вокруг хижины, но так и не смог обнаружить предмет своих поисков. В конце концов я нашел его одеяло, завернутое в солому под карнизом хижины, и сразу же вернулся в комнату, чтобы сказать своим спутникам, что я опасаясь, что этот странный уход испанца был вызван иными мотивами, чем те, о которых я говорил.

Он не мог уйти далеко, не зайдя в воду, глубина которой составляла два-три фута по всему этому обширному ключу, за исключением места вокруг хижин, где его не было; мореплавателям хорошо известно, что эти ключи изрезаны многочисленными ручьями, подобными тому, который уже был описан, и в некоторых случаях они тянутся на многие мили среди мангровых зарослей, где морской разбойник может скрываться месяцами, не опасаясь быть обнаруженным.

Не беспокоя испанцев, я растолкал мистера Мерри и шепнул ему о своих подозрениях, после чего мы оба отошли к двери и сели ждать возвращения рыбака. Когда я впервые разбудил его, он дрожал от страха, что нас ждет какая-то неестественная судьба. Но ночь прошла без дальнейших тревожений, и с рассветом мы все, по предварительной договоренности, приступили к погрузке двух каноэ (которые были тех же размеров, что и уже описанное), перейдя их вброд с рыбой в руках. Когда мы закончили погрузку, было уже около рассвета, и пока мы все находились в хижинах, внезапно вошел главный рыбак, приветствовал капитана Хилтона по-испански и попросил всех наших людей и троих из своих сопровождать его к названной шхуне, чтобы вытащить ее из ручья и пришвартовать, готовясь к нашему отплыву: это мы сделали с немалым трудом, пробираясь по грудь в грязи и воде. После того как мы поставили ее на якорь примерно в полумиле от хижин и выгрузили в нее рыбу из каноэ, мы вернулись в хижины, чтобы позавтракать.

Когда утром вернулся мастер-рыбак, я заметил, что его брюки промокли до бедер, а сам он выглядел так, словно прошел вброд несколько миль.

После завтрака мы закончили погрузку на маленькую шхуну и вернулись в хижины, чтобы спустить вниз небольшие запасы. Когда мы все стояли перед хижинами, мастер-рыбак показывал на восток и смеялся со своими спутниками. Посмотрев в ту сторону, куда он указывал, я обнаружил, что объектом его забавы было небольшое судно, удваивающееся в восточной точке ключа, на расстоянии около семи миль *от рифа*, и идущее в нашу сторону. Я

слишком часто видел, как ухмылка испанца сопровождается ударом его стилета, чтобы оставить это обстоятельство незамеченным. По моей просьбе Мануэль поинтересовался у испанцев, что это за судно, и получил в ответ, что "это королевский катер в поисках пиратов". Этот ответ нас удовлетворил, и через короткое время мы в полном составе - мастер-рыбак и трое из его команды - были на борту нашего судна. Как только мы были готовы бросить якорь, заметив, что испанец намерен наблюдать за "Каттером" и без нужды медлит с отплытием, я начал поднимать передний парус, на что он впервые прокричал мне на ломаном английском: "Нет переднего паруса, нет переднего паруса". К этому времени парус был уже в трех четвертях мили от нас. Стоя на форштевне и наблюдая за ней, я увидел, как один из ее людей вышел вперед и направил на нас то, что я принял за подзорную трубу; но через мгновение выстрел из мушкета и свист пули у меня над ухом убедили меня в моей ошибке. За этим последовал выстрел по меньшей мере из двадцати мушкетов и мушкетонов, из которых шары летели как град, попадая в различные части нашей шхуны; один из них пробил мои брюки, другой - куртку мистера Мерри, не причинив существенного вреда.

В начале стрельбы четверо рыбаков спрятались под палубой, чтобы избежать опасности, а наш португалец, попытавшийся последовать их примеру, был вынужден отступить. Я оставался на форштевне, наблюдая за судном, пока свист шести или семи пуль не предупредил меня об опасности. Сначала я опустился на колени, все еще желая выяснить причину этого неспровоцированного возмущения, пока они не приблизились к нам на расстояние двух или трехсот футов, тогда я распростерся на палубе, вскоре после чего главный рыбак поднялся, помахал им шляпой, и стрельба прекратилась. Примерно в сорока или пятидесяти футах от нас она бросила якорь и отдала приказ каноэ, стоящему у нас на корме, подойти к борту; один из наших рыбаков повиновался и поднял на борт их капитана и трех человек. Предполагаемый катер представлял собой открытое судно длиной около тридцати пяти футов по килю, окрашенное внутри в красный цвет, а снаружи - в черный, за исключением белой полосы шириной около двух дюймов; он был рассчитан на греблю или парус, подготовлен для длинных стрел и нес стаксель, передний парус, грот и квадратный парус. На судне было десять испанцев, каждый из которых был вооружен мушкетом, *мачете*, [C] длинным ножом и парой пистолетов. Все они были одеты в аккуратные куртки и брюки и носили шляпы из пальмовых листьев. Их бороды были очень длинными и выглядели так, будто их не брили восемь или девять месяцев. [D]

[C] Длинная, прямая испанская шпага, с толстой спинкой и, как правило, очень острая.

[D] Говорят, что пираты носят длинные бороды, чтобы изменения в их внешности, вызванные бритьем, не помешали им быть узнаваемыми, когда они снова окажутся в обществе.

Один из них имел крайне дикий вид, получив удар, вероятно, тесаком, по лицу, который выбил ему все передние зубы и отрезал часть верхней губы, шрам простирался на некоторое расстояние за углы рта - три пальца левой руки, с частью мизинца, были отрезаны, а большой палец сильно поранен. Он был высок, хорошо сложен и, похоже, имел определенную власть над остальными. Капитан был крепким и таким корпулентным, что я не стал бы преуменьшать его вес до 260 фунтов. Он сильно напомнил мне гвинейского капитана, которого я видел раньше. Он был выбрит на манер турок; борода на его верхней губе была очень длинной, он был богато одет, вооружен мачете и ножом с одной стороны и парой пистолетов с другой; кроме того, он носил кортик в жилете. Осмотрев наши бумаги, случайно спасенные капитаном Хилтоном, он достал

из сетчатого кошелька два дублона и в присутствии всех вручил их мастеру-рыбаку. Поначалу мы решили, что это компенсация за нанесенный нам ущерб в результате обстрела. Теперь Мануэль рассказал ему о нашем кораблекрушении, страданиях и счастливом спасении на острове, на что он заметил, слегка пожав плечами, но не изменив ни одного мускула лица. Во время рассказа о наших несчастьях в его взгляде читалась дикая насмешка, которая лишила бы страдания обычных претензий на сострадание, а несчастного страдальца - даже одинокого проявления сочувствия.

"В его усмешке был дьявольский смех, который вызывал эмоции ярости и страха; и там, где его хмурый взгляд ненависти мрачно падал, надежда увядала, и милосердие прощально вздыхало!" [Корсар Байрона.

Выяснив, кто мы такие, он вернулся на свою лодку с тремя своими людьми, оставив одного на борту в качестве хозяина приза. Наш мастер-рыбак, который также сопровождал его, был встречен всеми на борту вооруженного судна таким образом, что это был его старый знакомый. Мы видели, как они передавали друг другу длинный белый кувшин, который, после того как все выпили, они потрясли перед нами, сказав на ломаном английском: "*Anglois, vill you have some Aqedente?*", на что мы ничего не ответили. Посоветовавшись между собой около получаса, они отправили двух человек с кувшином к нам на борт, из которого мы пили понемногу, чтобы не обидеть, а сами вернулись на свое судно, взяли еще двух человек и направились к хижинам, в которые вошли и обошли их несколько раз, затем спустились к нашей длинной лодке и внимательно осмотрели ее. После этого они подошли к нашему судну с *двумя каноэ*, одно из которых, перейдя на вооруженную лодку, подняло на борт нас, всех, кроме капитана и двух его людей. Наша небольшая команда до сих пор с тревогой наблюдала за этими таинственными маневрами.

Были обстоятельства, которые в одно время внушали веру в то, что мы находимся в руках друзей, а в другое - что эти притворные друзья спокойно готовятся к "грязному и самому неестественному убийству". Капитан Хилтон не желал пока отказываться от своего доверия к вероломному испанцу, который, я не сомневался, уже получил цену нашей крови. В таком состоянии тягостного ожидания, колеблясь между надеждой и страхом, мы пребывали до тех пор, пока главный рыбак не бросил на палубу клубок шнура из жесткой, прочной коры размером с большой палец, от которого они отрезали семь кусков длиной около девяти футов каждый, подошли к капитану Хилтону и попытались снять с него плащ, но им помешал сигнал их капитана. Теперь они начали связывать ему руки за спиной чуть выше локтей одним из кусков шнура, который они пропустили несколько раз вокруг и затянули так туго, что он застонал во всей горечи своих мучений. [E]

[E] Перед этим пираты схватили капитана Хилтона и жестоко издевались над ним, чтобы выманить у него деньги, которые, как они предполагали, были спрятаны на борту; но, убедившись, что это не так, они отобрали у него все, что было при нем, и отпустили.

Мои опасения, что это были пираты, подтвердились; И когда я увидел, как они, без соблазна или провокации, жестоко пытаются того, кого выбросило к ним кораблекрушение, матроса без гроша в кармане, доведенного болезнью до почти беспомощного состояния, и умоляют со всей нежностью кающегося, чтобы они не отрезали его в расцвете его грехов, и, не дойдя до меридиана жизни, напомнил им о жене и родителях, которых он оставил, я разрыдался и невольно встал, как бы желая продать свою жизнь по самой дорогой цене, но был отброшен

одним из пиратов, который нанес мне сильный удар по груди дулом своего мушкетона. Последовала сцена горести, которая могла бы испытать самое стойкое сердце, и мне показалось, что даже они пытались отвлечься от нее постоянным пением и смехом, настолько громким, что заглушал звук наших причитаний. - После того как они сказали Мануэлю, что должны доставить нас в Матанзас как военнопленных, они принялись зажимать нам руки, как это делали с капитаном Хилтоном, так крепко, что это причиняло мучительную боль.

Теперь мы были полностью в их власти, и они катали нас с таким же безразличием, как если бы мы были лишены чувств, и без жалости бросали нас в каноэ. Меня швырнули с такой силой, что я ударился затылком о сиденье каноэ и сломал его. Капитан Хилтон, мистер Мерри, Бридж и повар были в одном каноэ; Рассел, Мануэль и я - в другом. Впервые они сообщили нам, что собираются перерезать нам горло, и эту информацию они сопровождали самыми ужасающими знаками, проводя ножами по горлу, имитируя удары ножом и другие пытки. Четыре пирата сопровождали другое каноэ и три - наше, помимо четырех рыбаков, по два человека для управления каждым каноэ. Таким образом, нас провели вдоль борта пиратской шхуны, когда все их огнестрельное оружие было передано на ее борт; оружейный сундук, находившийся на корме и накрытый брезентом, открыли, достали несколько длинных ножей и мачете, тщательно осмотрели их острые края и передали на борт каноэ с явной целью убить нас всех.

Семь пиратов и четыре рыбака, как и прежде, направились с нами к берегу, пока глубина воды не достигла трех футов, и тогда все они вышли из каноэ; по два рыбака на каждое каноэ, таща нас за собой, и пираты шли рядом с нами, по одному на каждого из нашей команды, и всю дорогу мучили нас, проводя ножами по горлу, хватая за него и толкая обратно под воду, которая набиралась при раскачивании каноэ. Пока одни из нас самым унижительным образом умоляли их пощадить наши жизни, а другие с поднятыми глазами снова молили о Божественном милосердии, сохранившем их от ярости стихии, *они* пели и смеялись, а иногда говорили нам на ломаном английском, что "американцы - очень хорошая говядина для их ножей". Таким образом они прошли с нами почти милю от судна, которое мы теперь теряли из виду, удвоив точку у входа в описанную выше бухту; и когда мы оказались в нескольких шагах от ее вершины, *где раньше видели человеческие кости*, каноэ были поставлены друг за другом на расстоянии от двенадцати до двадцати футов, готовясь к нашей казни.

Теперь вокруг нас царила мертвая тишина, потому что шлюзы чувств были разорваны, и горе било из них фонтаном. Утро было прекрасным - ни облачка, чтобы заслонить лучи солнца, а чистое голубое небо представляло собой сцену, слишком чистую для дел тьмы. Но одинокая гладь воды, на которой мы лежали бок о бок, представляла ту безнадежную перспективу, которую лучше всего описал другой.

"---. Ни друга, ни убежища рядом; Все, все лживо и вероломно вокруг; Все, к чему они прикасаются, или пробуют на вкус, или дышат, - это Смерть".

Мы едва успели бросить друг на друга последний прощальный взгляд, как началось дело смерти.

Они схватили капитана Хилтона за волосы, пригнули его голову и плечи к борту орудия, и я отчетливо слышал, как они перерубают кость шеи. Затем они свернули ему шею, легким движением меча отделили голову от тела и бросили ее в воду; раздался предсмертный крик,

судорожная борьба - и все, что я смог различить, это болтающиеся над бортом каноэ руки и лохматый обрубок, из которого потоком лилась кровь.

На невинном и юном лице мистера Мерри был умоляющий взгляд, который мог бы тронуть сердце любого, кроме пирата. Когда он поднялся на колени, в позе кающегося, молящего о пощаде даже на грани вечности, его свалили ударом тесака, и кишки вытекли из раны. Затем длинным острым ножом пронзили ему грудь в нескольких местах и перерезали горло от уха до уха.

Капитанский пес, отбившийся от неоднократных попыток спасти хозяина, сидел, поскуливая, рядом с его безжизненным телом и смотрел на этих кровавых гончих в человеческом обличье, как бы говоря им, что даже жестокая расправа будет сдобрена кровью двух невинных, ничем не провинившихся жертв.

Мост и повара они, как и Мерри, пронзили ножами в нескольких местах, а затем рассекли им головы своими тесками. Их предсмертные стоны едва стихли, и я наслаждался еще оставшимся мгновением жизни, когда услышал позади себя удар - кровь и мозги, разлетевшиеся по моей голове и плечам, предупредили меня том, что бедный старый Рассел разделит участь остальных; повернув голову, чтобы поймать взгляд моего палача, я увидел, что голова Рассела разрублена надвое почти по всей длине одним ударом тесака, даже без того, чтобы прилично снять с него шапку. При звуке удара Мануэль, сидевший передо мной, перепрыгнул через борт, и четверо пиратов бросились за ним в погоню. Каким образом он освободил руки, я не могу сказать, а как ему удалось спастись, объясню позже. Мои глаза были устремлены на моего предполагаемого палача, следившего за сигналом к моей смерти - он находился справа и частично позади меня, - моя голова, прикрытая прочной брезентовой шляпой, была повернута в направлении, которое привело мои плечи к носу и корме каноэ, - последовал удар - он рассек верхнюю часть шляпы, ударил по голове так сильно, что оглушил меня, и соскочил с моего левого плеча, сорвав кожу и немного плоти на своем пути, и перебил мой шнур-шестерню на руке. Я был так сильно ошеломлен, что не выпрыгнул из каноэ, а перевалился через левый борт и только поднялся из воды, не доходя до него совсем немного, как пират метнул свой нож, который попал в меня, но не задержал моего бегства ни на мгновение; и я понесся вперед по воде, ожидая удара сзади на каждом шагу.

Крики умирающих прекратились, сцена ужасной резни в каноэ закончилась, и мы с Мануэлем оказались в воде по колени - двое пиратов за мной, а все остальные с рыбаками, кроме одного пирата, за Мануэлем. Мы бежали в разных направлениях; я - к устью бухты, делая почти полукруг на своем пути, чтобы держать их за плечами, что снова возвращало меня к каноэ; а когда оставшийся пират вышел, чтобы отрезать меня, я был вынужден бежать между каноэ, так близко к последнему пирату, что он налетел на меня и упал, что дало мне старт. В начале нашей гонки я бежал за Мануэлем, а пираты шли впереди и позади. Моей целью было как можно скорее скрыться в кустах, полагая, что их тесаки станут препятствием, что мне и посчастливилось доказать. Я потерял Мануэля из виду, как только вошел в кусты; он был по грудь в воде, и пираты были рядом с ним. Когда я вошел в кусты, один из пиратов был уже в десяти футах от меня и продолжал наносить удары, надеясь дотянуться до меня; все они кричали самым диким образом на протяжении всего расстояния. Большую часть пути вода и грязь доходили мне почти до бедер - мангровые заросли были очень густыми, покрытыми, как я уже отмечал, устричными раковинами до самой высокой отметки. Было около полудня, когда я вошел в эти заросли, курс

мой был западный, пираты следовали за мной, то и дело попадаясь на глаза, причем один из них часто находился в трех шагах от меня. Если бы дело происходило на расчищенной земле, я бы вскоре был настигнут ими; но кусты были так велики и густы, что часто запутывали их мечи. Я был босиком; если бы я носил обувь, она бы быстро потерялась в грязи. Мои ступни и ноги были так сильно изрезаны устричными раковинами, что кровь текла свободно; к этому следует добавить, что моя голова была очень болезненной и опухшей, а плечо сильно болело. Таким образом и в таком направлении я бежал до тех пор, пока солнце не поднялось примерно на час, тогда я потерял из виду пиратов и, приостановившись на мгновение, снял с себя куртку (шнур был еще на правой руке, которую я соскочил), в которую завернул шляпу, и, взяв ее под мышку, опустился на колени, отчего вода поднялась до подбородка, чтобы укрыться. Так я пробирался почти до самого заката, когда, к своему изумлению, обнаружил океан, и как раз когда солнце садилось, я выполз на границу острова. Оглядевшись, я увидел очень большой куст мангровых деревьев, самый высокий из них, среди корней которого я и спрятался. Когда солнце село, я отчетливо слышал плеск воды и треск кустов, а также крики пиратов друг другу, что усилило мои опасения: вдруг они обнаружат мой след в мутной воде. Я был почти без сил от сильной боли в боку, вызванной долгим бегом, но твердо решил не уступать им, пока не паду под ударом их секиры. Вскоре после захода солнца их шум прекратился, и я подкрался к вершине высокого мангрового дерева, надел шляпу и куртку, где и просидел всю ночь, пока не взошло солнце на следующее утро, чтобы узнать, не обогнули ли они остров, чтобы преградить мне путь.

Продираясь сквозь кусты, я потревожил множество птиц, среди которых был фламинго, который вел себя очень смело и летал вокруг меня с таким шумом, что я боялся, как бы он не выдал меня, послужив ориентиром для моих преследователей.

Когда взошло солнце, на котором не было ни облачка, я не обнаружил ничего, что могло бы усилить мои опасения. Я спустился по мангровым зарослям и подошел к границе ключа - посмотрел на воду перед собой, где лежал другой ключ, удаленный, по моим расчетам, на 2-2 или 3 мили. Здесь я разделся до рубашки, рукава которой оторвал и вместе с брюками бросил в море. Затем я связал свою куртку из широкой ткани шнуром, который был у меня на руке, накинул ее на шею и надел шляпу, чтобы защитить израненную голову от солнца. В таком положении я пустился в море, сначала моля, стоя на коленях, о Божественном благословении на мое начинание, но сомневаясь, смогу ли я когда-нибудь добраться до противоположного ключа. Будучи, однако, отличным пловцом, проплыв перед этим почти две мили на спор, я достиг противоположного ключа без каких-либо других повреждений, кроме того, что задел шею шнуром; и с гораздо меньшей усталостью, чем я мог предположить. Этот ключ во многом повторял описание предыдущего, но был меньше. Я сделал небольшую паузу, продолжая идти на юго-запад через него, что составило, надо полагать, около трех миль; и так как я не спешил из-за усталости, когда я прибыл к его границе, была примерно середина дня. На расстоянии около двух миль я обнаружил еще один ключ, к которому и поплыл, набросив куртку, как и прежде. Когда я добрался до этого, третьего по счету, ключа, было уже немного до захода солнца. Я прошел в кустах около трех четвертей мили, так как это был небольшой ключ, и вышел почти к его краю, где и провел ночь, прислонившись к куче мангровых деревьев, с водой до бедер. Усталость и душевное волнение были столь велики, что даже в этой неприятной ситуации я крепко спал, пока меня не потревожило видение ужасной сцены в каноэ - перед глазами возникли образы капитана Хилтона и мистера Мерри, искалеченных, как в последний раз, когда я их видел; в воображаемой попытке спасти их я проснулся, но не мог убедить себя, что это был сон, пока не ухватился за собственную плоть. И снова я спал с перерывами до

рассвета. Сильно проголодавшись, так как я уже третий день не принимал ни капли еды или питья, я сорвал несколько самых зеленых листьев; это утолило мой голод, но усилило жажду. Около восхода солнца я вышел из этого ключа, пройдя вброд по воде, временами до шеи, почти милю, когда она становилась глубже.

До следующего, четвертого ключа, находившегося на расстоянии около мили, я доплыл. В этот день я продолжал плыть примерно тем же курсом, в юго-западном направлении, и пересек еще три небольших ключа, удаленных друг от друга примерно на милю. Теперь я прибыл к седьмому и последнему ключу; на нем я провел ночь, приготовив нечто вроде чешуи из старых корней, на которой я крепко спал, впервые выйдя из воды с тех пор, как покинул Круз-дель-Падре. Между рассветом и восходом солнца, наевшись, как и прежде, зеленых листьев и освежившись сном, я отплыл от последнего Ки; к этому времени я так ослаб, что едва мог идти. Вода была не так глубока, но я мог идти вброд, пока не оказался в полумиле от , которая впоследствии оказалась Кубой, но о которой я тогда ничего не знал.

Пока я преодолевал этот последний переход, мне пришлось бороться с сильным течением, вероятно, из устья той самой реки, которую я потом перешел вброд; и когда я был в нескольких шагах от берега, акула приблизилась на расстояние удочки; но, к моей великой радости, она повернула и ушла от меня.

Я проплыл теперь около девяти миль, не считая расстояния, пройденного по грязи и воде, и голода и жажды, которые я испытал, не вкушая ни еды, ни питья, кроме нескольких соленых листьев мангровых деревьев, во время моего бегства. К моим страданиям добавилось то, что мое почти обнаженное тело было покрыто москитами, которых привлекали кровь и язвы, образовавшиеся после моего побега из Крус-дель-Падре.

Заметив, что этот берег немного отличается от тех, которые я уже проходил, я проследовал вдоль него в восточном направлении, которое меняло мой прежний курс, почти две мили, когда я подошел к большому ялу, у которого стояла носовая мачта. Когда я опустился на ее пушечный ключ, мне пришла в голову мысль, что это судно, как и наше, могло уберечь несчастную команду от ярости шторма, чтобы предать их в руки безжалостного пирата, который, возможно, не позволил ни одному человеку спастись и сказать, что месть человека на этих оскверненных берегах принесла в жертву тех, кого милосердие Божье пощадило среди опасностей его "могучей глубины". Пока я предавался этим размышлениям, грызущие чувства голода были внезапно пробуждены появлением под кормовыми листьями двух Craw-fish; одну из них я поймал и съел с такой жадностью, что очень скоро от нее отказался; и хотя сначала мне показалось, что я мог бы съесть дюжину таких рыб, истощение, вызванное моими попытками вызвать рвоту, уничтожило всякое желание есть вторую.

Я продолжал идти прежним курсом, юго-западным, примерно до середины дня, когда приблизился к суше и сел на ветровое падение, чтобы обдумать свое положение; для описания которого я вполне мог бы применить слова Иова: "Плоть моя облечена червями и комьями пыли; кожа моя разорвана и стала отвратительна". Возле корней этого дерева, сидя и рассматривая норы, образованные сухопутными крабами, я заметил, как из одной из них вытекает вода. Более благодарного и неожиданного зрелища израильтяне не могли наблюдать у разрушенной скалы; вскоре я обнаружил, что вода течет из кипящего источника, и без нее, я уверен, мне не удалось бы прожить и дня; ведь, как помнится, это была первая пресная вода, которую я попробовал с того утра, когда были убиты мои товарищи по кораблю. Но какой бы чистой она ни была, мой

пересохший желудок не мог ее принять, пока после неоднократных попыток мне не удалось утолить жажду. Я снова двинулся на юго-запад, земля постепенно поднималась, пока внезапно передо мной не открылась огромная равнина, где глаз мог охватить тысячи акров без единого дерева, покрытая скотом всех возрастов и видов; некоторые из них проносились вокруг, так близко, что в своем искаленном состоянии я боялся, что они могут *взять меня на абордаж*. Но от одного взмаха моей шляпы они шарахались и фыркали во все стороны. Количество и разнообразие дикого скота, собранного на этих равнинах, огромно. Я думаю, что видел более пятисот свиней, в основном темного цвета, и более половины такого же количества лошадей, в основном белых; быков и коров с телятами на боку, коз, мулов и т. д.

Я продолжал свой путь с такой быстротой, какую только могло позволить мое слабое и измученное состояние, до наступления сумерек, когда я прибыл на берег небольшой реки; [F] здесь я отдыхал непрерывно до рассвета следующего утра. Когда я впервые попытался встать, мои конечности отказались выполнять свои обязанности, и я был вынужден ухватиться за куст, который был рядом, чтобы подняться на ноги. Это не странно, если принять во внимание усталость и голод, которые я перенес, раны на всех конечностях и онемение, вызванное тем, что я спал без укрытия, подвергаясь воздействию сырости, исходящей от пресной реки, в таком климате, как на Кубе.

[F] Вероятно, река Вальма.

Я остановился на берегу на несколько мгновений, наблюдая за течением, чтобы определить направление его истока, к которому я и направился, двигаясь по берегу до полудня, когда я вошел в прекрасную липовую рощу, плоды которой сплошь усеивали землю. После того как я съел столько этих плодов, с кожурой и всем остальным, что утолил голод, я набил карманы своей куртки, опасаясь, что больше не встречу такого своевременного снабжения.

К этому времени я обнаружил извилистую тропинку, проложенную стадами дикого скота; но я тщетно искал отпечатки человеческих шагов. По этой тропе я шел до тех пор, пока она не привела к броду через реку, где я остановился, опасаясь воздействия свежей воды на мои раны, некоторые из которых уже начали покрываться корками. Но положение не позволяло медлить, и я перешел реку вброд, которая так разбухла от недавних дождей, что я был вынужден перейти ее вброд до самых подмышек. Это произвело ожидаемый эффект: едва я достиг противоположного берега, как мои язвы вновь начали кровоточить, причем очень сильно. Запас лайма восстановил мои силы настолько, что я мог продолжать путь до заката, когда я снова остановился и сел на бревно.

Единственным предметом одежды, прикрывавшим мою наготу, была моя куртка, а рубашку я оставил на одном из ключей, опасаясь, что пятна крови на ней могут навлечь на меня несправедливые подозрения. Мои многочисленные язвы, вызванные попеременным воздействием жары и свежей воды, стали теперь настолько отвратительными, что вызывали сильную рвоту, которая почти подавляла слабые силы моего желудка; и если бы не предусмотрительный запас лаймов, который впоследствии в какой-то степени исправил их запах, я, должно быть, лежал бы у этого бревна, превратившись в массу тлена, и отдал бы свое тело на съедение птицам и диким зверям леса. Читатель не сочтет это преувеличением, потому что, пока я сидел здесь, многочисленные индюки-барсуки, которые паслись над моей головой,

привлеченные моим отвратительным запахом, прилетели в нескольких футах от меня и начали нападать друг на друга с такой же свирепостью, как если бы они уже боролись за свою добычу. Я встал, как бы желая убедить их, что еще обладаю способностью двигаться, хотя сам сомневался, что они не овладеют мной до захода другого солнца. Но я шел вперед так далеко и быстро, как позволяло мое слабое состояние, пока не стало слишком темно, чтобы идти по следу, тогда я лег и провел беспокойную ночь, досаждаемый, как обычно, москитами. Утром я встал слабый и удрученный; И в своих молитвах, которые я ежедневно обращал к Тому, чье сиденье милосердия так часто укрывало меня от бури и чей "столп облачный днем и столп огненный ночью" еще не оставил меня в пустыне, я желал, чтобы в этот день (шестой по счету после моего чудесного спасения,) какое-нибудь существо, которому я мог бы рассказать о своих страданиях и убийстве моих товарищей, чтобы призвать мою страну (которая обязана защищать самых скромных своих граждан) восстать в величии ее военно-морской мощи и остановить руки тех, кто окрашивает эти варварские берега кровью ее предприимчивых моряков.

Мой жизненный стакан, похоже, был почти на исходе, и теперь я начал терять всякую надежду на облегчение. Мои ноги и конечности начали опухать от воспаления язв, а лаймы, единственное, что у меня было, хотя и сохраняли жизнь, начали вызывать грызущие боли в желудке и кишечнике. Однако я бродил дальше, следуя запутанным изгибам тропинки, до середины дня, когда обнаружил прямо на пути несколько кукурузных шелух, а вскоре после этого - несколько небольших палок, похожих на бобовые столбики, которые, очевидно, были заострены с одного конца чьей-то человеческой рукой. Это открытие, как ни странно, настолько подняло мой дух и силы, что я почти не останавливался, пока на закате не заметил на тропе, не очень далеко впереди, человека на лошади, окруженного почти двадцатью собаками! Опасаясь, как бы он не заметил меня, я приподнял шляпу на трости, чтобы дать ему сигнал приблизиться. Быстро пахнущие собаки вскоре пустились вскачь, и когда я увидел, что они похожи на кровяных гончих [G], у меня возникли серьезные опасения за свою безопасность; но оклик их хозяина, которому они повиновались со строгой дисциплиной, умерил мои страхи. Это был негр, сидевший на чем-то вроде циновки, сделанной из пальмового листа и обычно используемой для седла рабами на плантациях этого острова. Когда он оказался в нескольких шагах от меня, он сошел с коня, подошел с выхваченным мечом (мачете) и остановился в явном изумлении; я указал на раны на мне, опасаясь, что по его поведению он может принять меня за какого-нибудь разбойника. Он начал обращаться ко мне на испанском языке, которого я знал достаточно, чтобы дать ему понять, что я потерпел кораблекрушение; после этого он сделал знак, чтобы я сел на лошадь. Я попытался, но не смог этого сделать, пока он не помог мне. Затем он указал мне путь, по которому я должен был идти, а сам последовал за лошадью с мечом в руке.

[G] Кубинские собаки в основном происходят от древних кровяных гончих, изначально завезенных для охоты на туземцев.

Проехав около трех миль, я обнаружил несколько огней на расстоянии примерно полумили; подойдя к ним, мы остановились возле большой бамбуковой рощи, где я с его помощью сел на землю и по его сигналу улегся, пока он не сходил в хижину и не вернулся с рубашкой и парой штанов, которыми прикрыл мою наготу. Теперь он взял меня за руку и повел в большой дом, где жил его хозяин, владелец плантации. Мне принесли скамью, на которую я уселся, и хозяин дома, седовласый испанец, которому, вероятно, исполнилось семьдесят лет, подошел ко мне с

любезностью, поняв по негру, что я потерпел кораблекрушение. Осматривая мои раны, старик обнаружил на моей руке красивый оттиск *Распятия*, сделанный несмываемыми чернилами в Ост-Индии несколько лет назад, который он поцеловал с видимым восторгом, сказав мне: "Англос очень похож на христианина", полагая, что я римский католик. -Это привлекло ко мне всех членов семьи, которые, стоя на коленях, последовательно целовали образ и демонстрировали свою чувствительность слезами, глядя на страдания, которые, как они поняли по моим язвам и истощенному виду, я должен был перенести. Затем старуха, которую я принял за его жену, провела меня в другую квартиру, в углу которой было что-то вроде решетки, где на земле разводили огонь. Здесь был накрыт стол, стонущий от всех роскошеств, которыми изобилуют плантации этого острова; но, возможно, мне повезло, что мое горло было настолько сырым и воспаленным, что я не мог проглотить ничего, кроме немного мягкого вареного риса и кофе. После этой трапезы старый добрый испанец раздел меня, обмакнул чистую льняную тряпку в чистый девственный мед и натер ею мои раны. Затем он указал на кровать, приготовленную для меня в той же комнате. Я дал ему понять знаками, что должен испачкать его чистые простыни; но это было отклонено покачиванием головы; так что без дальнейших церемоний я повернулся в постели - это была самая мягкая подушка, на которую я когда-либо ложился или ожидал положить голову; но это был отдых, а не сон.

Старик приказал слуге присматривать за мной всю ночь, опасаясь, что после столь долгого воздержания от пищи у меня может начаться серьезное заболевание. Каждый раз, когда я стонал или ворочался, этот слуга бежал ко мне с чашкой крепкого горячего кофе, от которого я не мог отказаться, не нарушив приказа хозяина. Рано утром, прежде чем я встал, старый плантатор подошел к моей постели, проверил пульс и язык и принес мне квартовую миску свежих тамариндов, больше половины которых он заставил меня съесть, чтобы подготовить мой желудок к последующему приему пищи и предотвратить симптомы воспаления, которые позволили ему обнаружить его глубокие познания в искусстве врачевания.

Я встал, оделся и вышел, чтобы осмотреть владения этого богатого старого плантатора, гостеприимству которого я был обязан всю свою жизнь.

Плантация, или, скорее, вилла, называемая Сент-Клер, принадлежит одной семье, состоящей примерно из тридцати человек, включая главу, которого я уже описал, с детьми, внуками и престарелой сестрой, которая живет с ними. Все они живут в одном большом особняке, недавно построенном из кубинских кедров, высотой в два этажа, с крышей, покрытой пальмовыми листьями. Около пятидесяти хижин, в которых живут рабы, принадлежащие плантации, разбросаны вокруг виллы.

Ничто не может быть прекраснее кофейной плантации. Она представляет собой огромную площадь в несколько сотен акров, обнесенную живой изгородью из липы толщиной около пяти футов, верхушки которой так точно подстрижены, что образуют идеальный уровень. Этот квадрат пересекают аллеи, пересекающиеся под прямым углом, шириной в три-четыре палки, украшенные и затененные апельсиновыми и другими восхитительными деревьями. Во главе самого большого проспекта, на небольшом возвышении, стоял упомянутый выше особняк, а у подножия, скорее, за пределами площади, находилась обширная и красивая бамбуковая роща, где я приземлился в свой первый приезд. Площади, образованные проспектами, засажены кофейными деревьями.

Вряд ли можно подумать, что я нахожусь в том состоянии тела или ума, чтобы наслаждаться красотами природы; но кто может созерцать такой сад, как этот, разнообразный: здесь апельсин, украшенный зеленой пышной листвой, и , изящно склоняющийся под тяжестью своих золотых плодов; там пальма, владыка леса, машет своей величественной вершиной "на целую голову выше остальных", и не восхищается богатством его пейзажей. Кроме кофе, на этой плантации выращивали сахар, табак и индийскую кукурузу.

Все вокруг было наполнено жизнью и трудом; даже маленькие негритянские дети, которые не могли делать ничего другого, были заняты скручиванием сигар. Внутри же изнеженность и роскошь шли рука об руку; однако им не были чужды гостеприимство и доброта, ибо никогда я не видел более милосердного хозяина, чем старый плантатор из Сент-Клера. Рано утром по сигналу собиралось все множество его рабов, которые собирались вокруг особняка, смотрели в окно, где висела картина Спасителя в натуральную величину, становились на колени, перекрещивались и отходили друг за другом, пока все не завершали утреннее богослужение. Каждый вечер множество людей снова собиралось перед домом в группы: одни играли на гитаре и других музыкальных инструментах, другие весело танцевали и совершали удивительные подвиги, которые предназначались не только для их собственного удовольствия, но и для развлечения семьи, которая не переставала быть радостным зрителем этих вечерних развлечений.

Можно было подумать, что мое пребывание в таком восхитительном месте, как это, особенно достаточно долгое, чтобы оправиться от последствий усталости и ран, было просто необходимо. Самаритянская доброта была оказана мне в болезни, а в здравии мне предложили работу . Но при всех этих побуждениях был еще один источник беспокойства, кроме мыслей о доме. Каждую ночь нас посещали четверо мужчин, вооруженных так точно, как те падшие чудовища, которые убили моих товарищей по кораблю и были причиной всех моих страданий, что я не мог чувствовать себя в безопасности в их обществе. [Н]

[Н] Вероятно, поблизости были пираты; из газет, вышедших впоследствии, следует, что пиратская шхуна, захваченная "Морской чайкой", была оборудована в Вилья-Кларе - городе, расположенном не очень далеко к востоку от Сент-Клера.

Единственным человеком, которого я нашел на плантации, говорившим по-английски, был раб, бывший житель *Сент-Томаса*, который рассказал мне о характере своего хозяина, его огромном богатстве, количестве новых плантаций, которые он ежегодно создавал, и т. д. Среди прочего он сообщил мне, что его зовут (как он произносит) *сэр Томас* и что он был *алькальдом*, или магистратом, этой части острова. Эта последняя информация была важна для меня, так как мне было необходимо получить *пропуск* у какого-нибудь гражданского чиновника, чтобы безопасно добраться до Матансаса.

На третье утро после моего прибытия, обнаружив, что я несколько воодушевлен любезным обращением, я попросил этого раба пойти со мной к его хозяину и попросить у него пропуск, чтобы отправиться в Матансас. Алькальде охотно удовлетворил мою просьбу; и пока он выписывал пропуск, в комнату вошел английский плотник (который, как я потом узнал, строил дом алькальде) и, взглянув на меня, воскликнул: "Ради Бога, кто вы такой! Вы, кажется, американец или англичанин?", на что я ответил, что я американец. После нескольких вопросов и ответов я был вынужден рассказать ему всю свою историю, часть которой, касающуюся пиратов, я скрыл от жителей Сент-Клера из соображений личной безопасности. Но щедрый

сердцем Плотник, чья чувствительность, как я начал понимать, была несколько обязана какому-то более сильному стимулятору, чем его родное сочувствие, разрыдался, воскликнув очень поспешно и неосмотрительно: "Пираты по всему острову - дерьмо". После того как мой пасс был закончен, а его перевод плотником удовлетворил меня, я стал готовиться к отплытию, выразив через него свою благодарность алькальду и его семье за доброе обращение, которое я получил от их рук и которое я буду всегда рассматривать как средство сохранения моей жизни. Но Плотник, полагая, что из-за пережитого я не смогу совершить путешествие в Матансас, попытался убедить меня остаться, давая самые твердые заверения, что я буду желанным и безопасным в Сен-Клере, владельца которого он превозносил в высшей степени. -Этот плотник, который так недавно работал над частью дома алькальда, что еще не успел снять одежду и инструменты, узнав, что я отверг его совет, очень гуманно снабдил меня несколькими предметами одежды и четырьмя четвертями доллара деньгами.

Примерно в девяти милях по извилистой дороге в сторону Матанзаса находилась плантация, где он занимался строительством дома. Он сопровождал меня, мы оба ехали на одной лошади; и поскольку, когда мы приехали, уже почти зашло солнце, он предложил мне переночевать у него, и я согласился. Когда мы вошли в дом плантатора, я заметил трех мужчин, вооруженных, как пираты; их любопытство было весьма возбуждено моим появлением, и они стали расспрашивать плотника, кто и откуда я? Смелый англичанин, обладавший большей откровенностью и духом (ни то, ни другое не пострадало от прощального бокала с алькальдом), чем благоразумием, рассказал им всю мою историю, завершив ее клятвой, в которой осудил их всех как банду пиратов. Вскоре завязалась ссора, и обе стороны схватились за шпаги; но Плотник, который был очень крепким человеком и хорошо вооружен как пистолетами, так и шпагой, при моей слабой помощи вскоре заставил их замолчать, и менее чем через час они покинули дом. После ужина мы улеглись отдохнуть. Англичанин когда-то был солдатом, а я служил во флоте Соединенных Штатов (где получил рану, сломавшую кость правой ноги) во время и после окончания войны, вплоть до моего путешествия на "Бетси". Поэтому мы, подобно сломанному солдату поэта,

"Оплакивали свои раны и разговаривали всю ночь напролет".

Утром, после раннего завтрака, когда мы уже готовились к отъезду, трое вооруженных мужчин с несколькими другими, называвшими себя солдатами, подъехали к двери и потребовали меня, заявив, что у них есть поручение представить меня какому-то правительственному чиновнику в Вилья-Кларе на том основании, что на меня пало какое-то подозрение. После короткого и жаркого спора между ними и Плотником, когда они уже были готовы прибегнуть к оружию, он велел мне показать им мой пропуск. Это сильно разъярило их, и плотник, от души посмеявшись, наслаждался их гневом, они пробормотали в его адрес несколько испанских ругательств, бросили мой пропуск на землю и покинули нас. Снарядившись всем необходимым, что было в моих силах, я отправился в путь с плотником, который сопровождал меня, вооружив, до главной дороги или, скорее, тропы, ведущей в Матанзас, около шести миль; здесь он вручил мне тяжелую трость для защиты, сказал, что я должен пройти всего два дома, прежде чем прибуду в глухую деревню, содержащую двадцать или тридцать домов и церковь, и ласково распрощался со мной.

Я не успел далеко уйти, как увидел, что из сарая колесника в поле у дороги выходят негр и испанец, оба вооруженные; [1], который подошел, схватил меня за воротник и, прежде чем я

успел защититься, вырвал у меня из рук трость, оттащил меня с дороги и начал бить тростью, удар которой по плечу оставил шрам, который я буду носить до могилы. Я упал на колени, показывая на свои язвы, но это скорее усилило, чем ослабило их жестокость, потому что испанец провел ножом по моему лицу, которого я избежал, увернувшись от удара головой; и как раз в этот момент они услышали шум мулов, который, вероятно, спас мне жизнь; но они не ушли, пока не отобрали у меня деньги, подаренные плотником, мою провизию и всю одежду, кроме рубашки и штанов. Опасаясь, что мултерщики окажутся такими же немилосердными, как и остальные, я на руках и коленях уполз в кусты, кровь шла за мной, пока они не прошли, тогда я поднялся и пошел в сторону от тропы, пока не подошел к дому, в который не осмелился войти. Ближе к ночи я увидел другой дом на некотором расстоянии от дороги, вошел в него и знаками попросил дать мне пищу и ночлег; но они указали на дорогу с таким презрительным видом, какой они бросили бы на собаку. Примерно в четверти мили от этого дома я расположился среди кустов и провел ночь. Днем следующего дня я добрался до деревни, названной Плотником, где со мной любезно обошлись и вручили доллар. Ближе к ночи я увидел несколько домов, в один из которых я зашел и немного подкрепился; но их шепот и лукавые взгляды возбудили мои подозрения, я ушел незамеченным и на небольшом расстоянии провел еще одну ночь среди кустов. На следующее утро я остановился в большом доме, где освежился и запасся провизией на день, в течение которого я видел двух или трех путников, которых избегал; а на следующую ночь я встретил любезный прием в другом доме, где остановился и позавтракал. В этот день я встретил на дороге крупного мужчину весьма респектабельной наружности, который обратился ко мне по-английски, и я рассказал ему свою историю и жестокость, с которой со мной обошлись на дороге. Он прочитал мой пропуск, вручил мне четыре доллара и направил к жилищу сестры алькальда, большому дому на заднем дворе обширного тростникового поля, примерно в миле от дороги, где мы находились. Я направился в этот дом и предъявил свой пропуск старухе, которая отнеслась ко мне с тем же гостеприимством, что и ее брат. В доме царил такой же вид богатства, хотя и не в такой степени, как в Сен-Клере; а по старинному виду и количеству массивных серебряных сосудов я не мог не предположить, что алькальде происходил из какого-то знатного испанского рода. Проведя здесь два или три часа и снабдившись провизией на дорогу, я отправился в путь; зная, что нахожусь недалеко от Матансаса, я неторопливо шел, любясь теми красотами природы, к которым до сих пор не испытывал ни малейшего желания.

[1] Ни один человек не думает путешествовать по Кубе безоружным; даже негр носит свое мачете, а каждый респектабельный человек путешествует с пистолетами.

Вдоль узкой извилистой тропинки открывалось бесконечное разнообразие богатых романтических пейзажей: иногда я поднимался на возвышенность, откуда открывался вид на многочисленные равнины, ровные, как море, поднимающиеся то тут, то там на различную высоту, кишачие растительной жизнью и представляющие взору разнообразие насыщенных цветов, отделенные друг от друга неровными и крутыми хребтами. Даже пустыня, через которую я проезжал, выглядела так, словно к ее украшению приложил руку человек; высокие величественные деревья, составляющие основу острова, были связаны между собой верхушками, из их ветвей выбегали ползучие растения, образуя самые изящные фестоны, и часто выглядывали из-за верхушек деревьев, словно ликуя от собственной пышности.

Наступившая ночь дополнила красоту пейзажа; бесчисленные яркие огни Кукуллы, [J] украшавшие ворсистые цветы, которыми был усеян лес, казались небесными звездами, сиявшими среди серебристых облаков осеннего вечера.

[J] Это крупный вид огненной мухи, часто встречающийся на Кубе. Когда она полностью вырастает, то достигает почти дюйма в длину и имеет три мощных огонька: по одному на каждой стороне головы и третий на брюшке.

Как я мог отдыхать среди такой сцены, не сравнивая ее с той, что была в бухте; где я буквально пробился сквозь кровь [K] моих товарищей, чьи растерзанные туши теперь, возможно, лежали на берегу.

[K] Когда я спасался от пиратов в Бухте, проходя между каноэ, вода до самого берега была окрашена кровью.

На следующий день в четыре часа пополудни я вышел к реке Канимар, примерно в девяти милях от Матанзаса, где нашел несколько американских и английских коперов, занятых изготовлением и ремонтом сахарных бочек и т. д. Здесь я провел ночь, а на следующее утро отплыл в Матансас на испанском катере. Ветер дул против нас, мы продвинулись совсем немного, так что у меня была хорошая возможность наблюдать и восхищаться огромными обрывами, составляющими берега этой реки; некоторые из них с обеих сторон возвышаются перпендикулярно на высоту 200 футов, создавая впечатление, будто противоположные берега разорвало какой-то страшной конвульсией. Она очень глубокая, около 180 футов в ширину, и заканчивается очень круто примерно в восьми милях от своего устья, в двух или трех милях ниже Матанзаса. В верховьях Канимара расположено небольшое поселение, называемое Эмбаркадеро, которое является своего рода проездом в Матансас на протяжении двадцати или тридцати миль вглубь страны. Мне сообщили, что в этом маленьком поселении ежегодно закупается и отправляется в Матансас на рынок около двух миллионов фунтов кофе и половина такого же количества сахара. Ничто не могло помешать росту большого города в верховьях этой реки (или, скорее, рукава моря), кроме барьера в ее устье. Но даже несмотря на это препятствие, бизнес между Эмбаркадеро и Матансасом настолько велик, что для их взаимного удобства пароход, достаточно мелководный, чтобы пройти бар грузеным.

Из-за сильного шторма мы прибыли в Матансас только в восемь часов вечера. Опасаясь встретиться с многочисленными пиратскими шпионами, населяющими это место, которые всегда готовы перехватить и убить осведомителя об их дьявольском промысле, я остался на борту шлюпки, но не имел особого желания спать среди такой команды. На следующее утро я отправился к американскому агенту, мистеру Адамсу, который направил меня к своему партнеру, мистеру Латтину, нашему грузополучателю, чтобы сообщить ему о потере брига, прибытия которого он ожидал уже две или три недели. Через несколько минут я встретил капитана Холмса с корабля "Шэмрок", принадлежащего владельцу брига (достопочтенному Абиэлю Вуду), который отплыл от той же пристани в Вискассете за несколько дней до нас.

Капитан Холмс провел меня на борт "Шэмрока", освежил и перевязал мои раны, и с припарками на ногах я отправился в кабинет губернатора, чтобы дать клятву в убийстве моих товарищей по кораблю, в сопровождении нескольких американских и британских офицеров, которые заверили меня в своей защите. Через переводчика меня спросили, умею ли я говорить по-испански, на что я ответил отрицательно. После рассказа моей истории губернатор

поинтересовался, какой нации были пираты? Я ответил, что испанцы. Он спросил, как я могу это утверждать, если я не говорю по-испански. Я ответил: "Я могу отличить испанца, как только увижу его дурной глаз". Он закусил губу, пожал плечами и в заключение заметил: "Все пиратство приходится на долю испанцев".

После осмотра я отправился на борт "Шэмрока" и провел там ночь. Следующий день я провел на берегу, а на следующую ночь отплыл на американской шхуне "Хорьх" в поисках пиратов и рыбаков.

Никто из тех, кто видел меня здоровым, не узнал бы меня теперь, ибо я превратился в живой скелет. Моя голова и лицо были сильно ушиблены и опухли от побоев, полученных во время путешествия - кожа на них полностью содралась, и я почти ослеп с тех пор, как покинул Ключи; кроме того, раны и язвы на моих ногах и ступнях превратились в нездоровые язвы, от которых они сильно опухали. Американские корабельные мастера и моряки, видевшие меня по прибытии в Матанзас, , часто заявляли, что никогда не видели человека, более обезображенного страданиями или истощенного болезнью. Вскоре меня окружили американские тары, чьи щедрые сердца были готовы облегчить мои нынешние нужды, как и их мощное оружие, чтобы защитить меня от будущих оскорблений или травм.

Теперь я начал понимать, насколько сильно ум может быть отвлечен от сознания страданий тела его собственными действиями; ведь я никогда не был вне досягаемости пирата или грабителя, с тех пор как высадился на Круз-дель-Падре и до того, как взошел на борт "Хорьха". Поэтому сейчас мои мысли были заняты главным образом размышлениями о моих нынешних страданиях и их скором завершении в виде смерти. У меня постоянно поднималась кровь, а воспаление многочисленных язв вызвало симпатический жар, который вынуждал меня поддерживать роды; и хирург, чтобы утешить меня, высказал опасение, что он будет вынужден ампутировать мне обе ноги выше лодыжек.

На следующий день после полудня мы подошли к рифу перед хижинами и, пытаясь перебраться через него, ударились. После некоторых затруднений мы выбрались на берег, но пошел дождь и подул такой сильный ветер, что всю ночь мы простояли вдали от суши. На следующее утро мы вошли в проход под названием *Сагуа-Гранде*, к востоку от Ключа, где шлюпка "Хорьх" была оборудована для плавания, в ее кормовых листах была установлена кровать, на которую я и лег; ибо, как ни был я болен, у меня было сильное желание встретиться с бесчеловечными убийцами моих товарищей по кораблю в трибунале моей страны. Но 21 дня бесплодных поисков, в течение которых я видел, что мое общее здоровье угасает, хотя состояние моих язв улучшается, было достаточно, чтобы убедить меня, что если я намерен умереть среди своих друзей, то у меня осталось совсем немного времени.

Единственное место, где мы слышали о пиратах во время нашего плавания, было у ключа в тридцати или сорока милях к востоку от Круз-дель-Падре, где мы встретились с человеком, который был лоцманом на колумбийской службе. Он сообщил нам, что утром того дня около сорока пиратов на трех лодках пристали к берегу, ограбили его небольшое имущество, состоявшее из свиней, домашней птицы и т. д., издевались над его женой и дочерьми и подожгли его хижину, часть которой, как мы поняли, только что сгорела. Хотя была уже глубокая ночь, мы направились к ним на шлюпке, укомплектованной пятнадцатью людьми; но больше мы ничего не слышали и не видели. К большому сожалению, в течение всего нашего плавания непогода не позволяла нам пройти мимо рифа и посетить хижины.

После возвращения в Матансас меня перевезли на "Морскую чайку"; когда я находился в баркасе, Мануэль, причислявший меня к убитым членам экипажа, случайно подошел к борту - визит призрака не мог бы подействовать на него сильнее, чем вид меня. Оправившись от неожиданности, так как нам оставалось пробыть здесь всего несколько минут, он коротко сообщил мне, что убежал в кусты, где скрывался до полуночи, после чего вернулся в бухту, взял одно из каноэ и с веслом отважился уйти в океан, где его подхватил испанский вооруженный бриг, доставил в Гавану и посадил в тюрьму. Последнюю часть его рассказа подтвердил командир "Морской чайки", который, узнав о его заточении, отправился в Гавану и освободил его. Но я всегда буду верить, что его догнали пираты и из национальной пристрастности позволили ему бежать в каноэ, как он описал.

Теперь я поднялся на борт "Шэмрока", чтобы вернуться домой, и имею основания благодарить Бога за то, что в дополнение к другим его милостям ко мне, я не попытался совершить второе путешествие на "Хорьхе", с которым, возможно, я мог бы погибнуть; ибо, как помнится, он был опрокинут в нескольких часах от Матанзаса и вместе с частью команды погиб.

Во второй день апреля 1825 года я прибыл в Вискассет, где, по совету и с помощью моих друзей, я опубликовал миру простую историю моих страданий, как призыв к моей стране, от скромного моряка, который удостоился чести сражаться в ее битвах, отомстить за одно из самых противоестественных убийств, которые когда-либо омрачали страницы ее истории.

ФИНИС.

Примечание транскриптора:

Данный текст транскрибирован в том виде, в котором он был набран, за исключением одной ошибки - "the" продублировано в "[peeping over the tops](#)". Все орфографические и пунктуационные вариации, странности и несоответствия сохранены.